

УДК 93/94
DOI 10.17223/19988613/40/2

Г.Н. Алишина

АНТИНЕМЕЦКАЯ КАМПАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В «ЦЕНТРЕ» И «НА МЕСТАХ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПО БОРЬБЕ С НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

*Статья подготовлена в рамках проекта НУ 8.1.32.2015С
«История изучения и освоения Сибири» научного фонда Д.И. Менделеева.*

Первая мировая война стала испытанием для Российской империи. В это время в российском обществе наблюдается рост ксенофобии. Целые группы населения были заподозрены в нелояльности. В первую очередь это коснулось иностранцев, являвшихся подданными стран Тройственного союза. Со временем в число «подозреваемых» попали российские немцы и ряд конфессий «иностранного происхождения». В статье рассматривается реализация мер, проводимых в рамках антинемецкой кампании, на уровне «центра» и «периферии» (на примере Томской губернии).

Ключевые слова: антинемецкая кампания; Первая мировая война; Томская губерния.

Любой комплекс мероприятий, инициированный центральной властью, доходит до «непосредственного потребителя», преломляясь на уровне власти «на местах». Иногда это «преломление» не существенное, а иногда весьма ощутимое. Для России и российской истории в силу размеров страны всегда крайне важно учитывать этот региональный аспект, поскольку реконструкция прошлого, основанная только на анализе решений и действий «центра», будет обречена на неполноту и однобокость. Прекрасной иллюстрацией этого тезиса служит развернувшаяся в годы Первой мировой войны на территории Российской империи «антинемецкая кампания». Источником мероприятий по «борьбе с немецким засильем» выступала центральная власть, на губернском уровне ее решения превращались в набор конкретных административных практик, не всегда совпадающих с «генеральной линией» и в принципе отличающихся друг от друга. В качестве примера конкретного региона в данной статье рассматривается Томская губерния, где в силу целого ряда обстоятельств реализация антинемецких мер имела свою специфику.

Начать следует с того, что вопрос о лояльности немцев, проживавших на территории страны, был поставлен задолго до вступления России в Первую мировую войну. Из уст отдельных представителей власти и общественности то и дело звучали опасения по поводу их присутствия. Помимо земельного богатства немецких колонистов, обращалось внимание на достаточно большое представительство немцев в государственном управлении и российском предпринимательстве, что вызывало определенную тревогу. Витавшие в российском обществе антинемецкие настроения существенно «подпитывали» два обстоятельства: принятие в Германии 1 июня 1870 г. закона о двойном подданстве [1. С. 23] и образование в 1871 г. единого немецкого государства – Германской империи, которое стало иметь собственные национальные интересы, все чаще пересекавшиеся с интересами России. Следует также отме-

тить, что зачинателями травли последователей «немецких вероучений» выступало православное духовенство, в немалой степени дававшее идеологическую подпитку действиям властей, нацеленным на ограничение возможностей некоторых религиозных групп немецкого населения страны. Однако в целом политика властей по отношению к российским немцам носила лояльный характер. Государственные мужи в большинстве своем осознавали ту пользу, которую приносили России немецкие переселенцы. И, несмотря на наличие явных недоброжелателей, немцы, проживавшие в стране, не были стеснены в своей хозяйственной деятельности и культурной жизни, а в случае нападков в их адрес имели возможность защищать свои интересы посредством доступных правовых механизмов.

Ситуация кардинальным образом изменилась в связи с событиями 1914 г. Практически сразу с момента вступления Российской империи в Первую мировую войну внутри страны развернулась широкомасштабная кампания, которая была последовательно направлена против трех категорий населения страны: подданных воюющих с Россией держав, российских подданных немецкого происхождения и представителей религиозных вероучений, также маркированных как «немецкие». Первая и вторая группы совпадали с третьей (т.е. с точки зрения объектов дискриминации, фигурировавших в нормативных актах и СМИ, можно выделить три категории населения, но третья категория частично включала в себя две первые), но все-таки не полностью, так как в состав приверженцев подобных вероисповеданий входили и представители иных этнических групп, к Германии отношения не имеющих (латыши, эстонцы, русские, украинцы и пр). Поскольку в основном данная кампания касалась этнических немцев, за ней закрепилось название «антинемецкая», или кампания «по борьбе с немецким засильем». Она включала в себя множество различных мероприятий.

Первыми «приступ ксенофобии» ощутили на себе подданные воюющих с Россией держав, т.е. лица,

находившиеся в германском, австрийском или турецком подданстве и оказавшиеся на момент начала боевых действий на территории Российской империи. На фоне красочно описываемых в прессе «германских зверств» [2. 29, 30 июля; 3. 4 сен. и др.] была проведена целая кампания по исключению их из различных организаций и объединений [2. 11, 20, 21 сен., 2 окт.]. Даже «учащихся германских и австрийских подданных» было предписано увольнять из учебных заведений [3. 4 сен.]. Особо пристальное внимание уделялось мужчинам призывного возраста как потенциальным участникам боевых действий на стороне врага, прежде всего кадровым военным. Еще одним направлением в борьбе с проникновением врага внутрь России стало наступление на предпринимательскую деятельность, которую вели германские и австрийские подданные на территории страны. Со страниц газет доносились призывы к «бойкоту немецкого производства» [2. 14 окт.]. На некоторые немецкие предприятия был наложен секвестр, как это произошло с Обществом электрического освещения [Там же. 29 окт.]. Перечисленные меры российских властей по отношению к подданным вражеских держав не носили исключительного характера. Подобная практика была широко распространена во многих странах и являлась в какой-то степени нормой для воюющего государства.

Однако на этом поиски «враждебных элементов» внутри страны не прекратились. Помимо иностранцев, подпали под это определение и некоторые российские подданные. В первую очередь это коснулось немцев, давно проживавших в России, но в силу своего происхождения вызывавших подозрения и недоверие к себе. Борьба с «внутренним немцем» велась в нескольких ключевых направлениях (промышленность, торговля, землевладение, язык, образование и пр.). В 1914 г. в масштабах всей страны была начата кампания по переименованию населенных пунктов с немецкими названиями, в результате чего в августе этого года Петербург стал Петроградом. В 1915 г. вышли в свет сразу два «ликвидационных закона», направленных на ограничение землевладения не только иностранных, но и российских подданных немецкого происхождения. Был даже создан Особый Комитет по борьбе с немецким засильем, положение о котором было Высочайше утверждено 1 июня 1916 г. [4. Л. 2 об.]. В июле 1916 г. появилось положение Совета Министров «о воспрещении повсеместно в Империи преподавания на немецком языке во всех учебных заведениях, а также на богословском факультете Императорского Юрьевского университета» [Там же. Л. 9]. Практиковалась даже депортация подданных воюющих с Россией держав и лиц немецкого происхождения из прифронтовой зоны на восток страны. В основном это коснулось так называемых волыньских немцев [5. С. 228–229].

Активную информационную борьбу с засильем немцев в России вела шовинистически настроенная

общественность. Центральная радикальная пресса не скупилась в выражениях, обвиняя немцев, состоящих как в германском, так и в российском подданстве, в предательстве, преследовании интересов воюющих с Россией держав, неискренней лояльности и пр. В доказательство приводились примеры, когда немцы, состоящие в русском подданстве и имеющие земельные владения в России, оказывались в составе германской армии [2. 5 ноя.], радушно встречали германские войска [6. 2 мая], и даже нашумевший случай предательства со стороны Мясоедова был объяснен тем, что он «сын немца» [Там же. 14 апр.]. Муссировались слухи о шпионской деятельности немецких колонистов в пользу Германии [Там же. 2 мая.], которые вылились в шпиономанию. Частыми были «свидетельства очевидцев» о многочисленных германских аэропланах-разведчиках, которые приземлялись в немецких колониях России. В результате население стало проявлять по отношению ко всему немецкому не только настороженность, но даже агрессию. На волне этих настроений в Москве и Петрограде имели место антинемецкие погромы [5. С. 225], были случаи, когда людей, разговаривающих на улице по-немецки, бдительные граждане доставляли в полицейские участки [2. 11 сен.], адвокат отказывался от защиты интересов немца-доверителя [Там же. 14 сен.], студенты бойкотировали лекции профессоров немецкого происхождения, как это произошло в Петроградском университете [Там же. 8 дек.], и т.д. Ксенофобия, как болезнь, расползалась по обществу и, в конце концов, затронула тех, кто прямого отношения к странам Тройственного союза не имел.

Это отчетливо прослеживается при изучении отношения российских властей и части общественности к некоторым конфессиональным группам неправославного толка. Они также были обвинены в нелояльности. В немилость, наряду с прочими, попали и евангелические лютеране. Лютеранская церковь характеризовалась местными властями как особо опасная организация, преследовавшая узко национальные интересы [7. Л. 8–9]. Это было вызвано тем, что в числе приверженцев этого вероисповедания было немало германских подданных и российских немцев. Данного факта было достаточно, чтобы начать притеснения в отношении всех лютеран на территории России, несмотря на то что в их число входили и представители иных национальностей (эстонцы, латыши и др.). Последние в равной степени с немцами ощущали на себе меры, направленные против лютеранской церкви в России. Уже в ноябре 1914 г. вышло постановление министра внутренних дел о закрытии евангелических обществ юношей и молодых людей и союза этих обществ в России [8. Л. 31]. Из-за подозрений в помощи воюющим с Россией державам в декабре 1914 г. лютеранским приходам воспретили производить «какие бы то ни было сборы на потребности заграничных миссий» [9. 30 дек.]. В мае 1915 г. в Москве антинемецкие выступления закончились погромом, в результате которого был причинен

большой материальный ущерб евангелическо-лютеранскому приходу Св. Михаила [10. Л. 8]. В целом наибольший прессинг в отношении лютеран и близких им христианских вероисповеданий исходил от военных властей, которые обвиняли неправославных христиан в германизме и антимилитаризме [11. Л. 1].

Последнее обвинение чаще всего звучало в адрес меннонитов, крайне раздражавших представителей власти и шовинистически настроенную общественность своим принципиальным пацифизмом [12. 20 марта]. Если рассмотреть этнический состав этой этноконфессиональной группы, то ее сторонники, хоть и пришли в Россию вместе с немецкими колонистами, были выходцами из Голландии и немцами по своему происхождению не являлись. Серьезным гонениям подверглись также евангельские христиане и баптисты. Вывод об их «германизме» был сделан на том основании, что религиозные взгляды представителей данных течений берут свое начало в немецком протестантизме [11. Л. 17–21]. В этническом отношении евангельские христиане и баптисты были довольно не однородны, в основном русские и украинцы. Немцы среди них были, но явно не в большинстве. Из приведенных примеров видно, что от антинемецких настроений в российском обществе страдали не только немцы, но и представители других национальностей: эстонцы, латыши, лица голландского происхождения и др.

Перечисленный комплекс мероприятий и элементов «антинемецкой кампании» был распространен по всей стране. Однако отдельные регионы имели в плане реализации решений и следовании тенденциям «центра» свои особенности. Где-то местная власть шла по пути ужесточения и без того однозначно дискриминационной политики, где-то, напротив, старались по возможности смягчить инициативы и распоряжения, исходящие от центральной власти. Заслуживающим внимания примером подобной «региональной специфики» является Томская губерния.

До вступления Российской империи в Первую мировую войну ярко выраженных антинемецких настроений в Томской губернии не фиксируется. К немцам местные власти и общественность относились в целом доброжелательно. Хотя в местной печати правого толка, традиционно выступавшей за искоренение инородческого засилья в стране, промелькивали публикации о потенциальной опасности столь заметного числа немцев среди сибирского чиновничества. Однако следует отметить, что подобные нападки были довольно редки. Несравнимо больший интерес у подобного рода изданий вызывал «еврейский вопрос».

Как и во всей стране, существенные изменения в отношении к немецкому населению губернии произошли в связи со вступлением Российской империи в Первую мировую войну. Надо сразу отметить, что сценарий развития борьбы с «немецким засильем» в Томской губернии в целом был схож с тем, что разворачивался в европейской части страны.

После вступления России в войну в губернии вслед за центром начались мероприятия, нацеленные на обезвреживание подданных вражеских государств, относительно которых была озвучена установка, что они «всегда были и останутся элементом подозрительным и для нас вредным» [13. 29 авг.]. Не обошлось без арестов. В начале войны им подверглись австрийские и германские подданные. Правда, уже в сентябре 1914 г. томский вице-губернатор, посетив тюрьму, отдал распоряжение об освобождении австрийских подданных славянского происхождения (чехов и поляков), а также германских и австрийских подданных, «долго живших в России и вполне доказавших свою лояльность». Для этой цели собирались сведения об этих лицах и составлялись особые списки, по которым они должны были получить свободу в самом непродолжительном времени [9. 12 сен.].

Несмотря на удаленность от линии фронта, в Томской губернии был прецедент пленения кадрового офицера вражеской армии, оказавшегося на момент начала боевых действий на территории региона. Этот казусный случай произошел с германским лейтенантом, который еще в феврале 1914 г. прибыл на Алтай и проводил время в Лебедском и Телецком лесничествах, охотясь на медведей. Уже 13 августа в местной прессе появилось сообщение о том, что он был доставлен в полицию в г. Бийске [Там же. 13 авг.].

Имело место и исключение вражеских подданных из различных обществ. В частности, было «постановлено исключить из состава биржевых комитетов лиц, принадлежащих к германскому или австрийскому подданству» [Там же. 14 сен.], а местными страховыми обществами было получено предписание от министерства внутренних дел «немедленно уволить всех германских и австрийских подданных, состоящих на службе страховых обществ в качестве членов правлений, а также лиц, которые занимают должности по выбору или найму в названных обществах» [Там же. 16 окт.].

Кроме того, в Томской губернии были случаи конфискации имущества у подданных вражеских держав. В поселке Найдорф Змеиногорского уезда было обнаружено шесть семей немцев, состоявших в германском подданстве. В течение 10 лет они владели здесь земельными наделами на правах водворенных переселенцев. После обнаружения этих семей «довольно значительное имущество их, состоящее из сельскохозяйственного инвентаря, подверглось конфискации» [Там же. 12 сен.].

Что касается политики местных властей в отношении немецкого предпринимательства на территории губернии, то сведений об этом немного, но благодаря публикациям в местной прессе известно, что, несмотря на начавшуюся войну, в Томске продолжало функционировать отделение немецкого торгового дома «Штоль и Шмит», в котором в январе 1915 г. совершенно свободно можно было приобрести билеты на устраиваемый в городе концерт [14. 8 янв.]. Это обстоятельство

свидетельствует скорее о лояльности местных властей в этом вопросе.

В целом следует отметить, что мероприятия против давно проживавших в губернии вражеских подданных местные власти проводили без особого усердия, по крайней мере, не проявляя собственной инициативы. Губернская общественность также не принимала особого участия в борьбе с засильем подданных стран-неприятелей.

Участие страны в Первой мировой войне отразилось и на положении немецкого населения Томской губернии, состоявшего в российском подданстве. Так, например, не обошла стороной Томскую губернию акция по переименованию населенных пунктов с немецкими названиями. 15 октября 1914 г. Земским отделом МВД было разослано обращение ко всем губернаторам с указанием выяснить, есть ли в их губерниях населенные пункты с немецким названиями, и внести предложения по их переименованию [15. Л. 2]. Пришло такое указание и на имя томского губернатора, который, в свою очередь, отдал распоряжение местным чиновникам, и началась работа по выявлению поселков с немецкими наименованиями и присвоению им русских названий.

При выборе нового имени для населенного пункта уездные чиновники, как правило, руководствовались либо примерным переводом немецкого слова, либо названием участка, на котором располагался поселок [Там же. Л. 47 об.–48]. Последний вариант был даже предпочтительнее, поскольку к этим названиям местное население уже «привыкло».

На основе отчетов местных чиновников к январю 1915 г. был составлен общий список, который затем направили в Земский отдел МВД для утверждения, после чего колонии в директивном порядке были переименованы. В некоторых из них сами немцы возбуждали ходатайства о приобретении русских названий [Там же. Л. 103], однако, по мнению некоторых исследователей, эти «добровольные» ходатайства были организованы местными властями [16. С. 139]. В результате в кампании по переименованию немецких населенных пунктов Томская губерния даже отличилась на фоне остальных размахом проведенной работы [17. С. 36].

При решении немецкого «школьного вопроса» местные власти в годы войны в целом также придерживались «генеральной линии». Как и в центральной части страны, самым проблемным был вопрос о меннонитских школах. Губернские власти проводили в их отношении запретительную политику. Но стоит также отметить, что в Томской губернии меры, направленные против школ меннонитов, в основном носили административный характер. Власти не давали своего разрешения на открытие и регистрацию новых школ, что вынуждало меннонитов действовать вопреки их решению. И хотя школы, осуществлявшие свою деятельность нелегально, обнаруживались местными чиновниками и признавались открытыми «без надлежащего

разрешения», дальше этого дело не шло. Несмотря на все попытки губернских властей привлечь виновных к ответственности, реального наказания зачастую никто не нес [18. Л. 24–31 об.]. В 1915/16 уч. г. даже произошло явное смягчение в «школьной политике» губернии: в Барнаульском уезде были разрешены 16 меннонитских школ с шестилетним курсом обучения [19. С. 159]. Кроме того, в Томске в годы войны продолжала функционировать немецкая школа при лютеранском приюте [20. С. 52; 21. С. 83].

Подобные безынициативность и «мягкость» губернских властей в решении немецкого школьного вопроса даже заслужили критику со стороны местных правых изданий. В «Сибирской правде» с возмущением писалось о том, что «с дозволения начальства» некому Глейе, «человеку, очевидно плохо знакомому с русским языком, так как составил безграмотное объявление», разрешено было открыть в Томске частную мужскую гимназию. В качестве резюме по этому вопросу автор заметки выразил твердую уверенность, что «совершенно несвоевременно и неуместно позволять немцу открывать русское среднеучебное заведение» [13. 27 сен.].

Поиски на территории Томской губернии «немецких обществ», «имеющих целью объединение немецкого элемента на почве узконациональных интересов и даже проведение германских национальных тенденций», успехом не увенчались [22. С. 381]. Единственным общественным объединением в среде немцев губернии было Томское евангелическо-лютеранское дамское благотворительное общество. Его деятельность в годы войны хоть и не отличалась прежней активностью, но и не была прекращена.

Существенную роль в борьбе с «немецким засильем» в Российской империи играла пресса (в особенности, правого толка). Именно она отвечала за формирование и поддержание «образа врага» в общественном сознании. Томская пресса в этом плане явно отставала от столичных изданий.

Трибуной для выражения недовольства «немецким засильем» стала газета «Сибирская правда», издававшаяся в Томске с 1907 по 1915 г. и являвшаяся органом Союза русского народа. В ней, как и в центральной правой печати, освещались все основные стороны «засилья»: заметное представительство немцев на государственной службе, «порабощение» ими фабрично-заводской промышленности, захват немецкими колонистами лучших земель, культурная обособленность немцев и пр. [13. 23 авг., 6, 20 сен., 4, 11 окт., 1, 8 ноя.] Раздавались призывы: передать земли колонистов «православным безземельным христианам», «конфисковать все немецкие предприятия», бойкотировать немецкие товары, отстранить от деятельности чиновников немецкого происхождения и пр. [Там же. 6, 20 сен., 4 окт., 8 ноя.] По отношению к российским немцам использовались такие эпитеты, как «домашние» или «внутренние враги», «пришельцы», «шпионы», «интриганы», «внут-

рения неметчина», «скрытые пособники германской армии» и др. [13. 23 авг., 6 сен., 11, 25 окт., 1 ноя.] Однако все эти возмущения и призывы строились не на местном материале. В большинстве случаев антинемецкие публикации либо носили общий характер и содержали пространные рассуждения о вредном влиянии немцев, либо являлись перепечаткой из центральных изданий. За период с августа по декабрь 1914 г. в «Сибирской правде» появились всего лишь две «местные» антинемецкие публикации: это уже упоминавшаяся заметка об открытии неким Глейе частной мужской гимназии [Там же. 27 сен.] и сообщение о том, что в кондитерской Грених немецкие военнопленные «находят не только приют и ласку, но и ведут какие-то серьезные переговоры» [Там же. 18 окт.].

В силу объективных обстоятельств (Томск был местом сосредоточения военнопленных) газета уделяла повышенное внимание проблеме их появления и обустройства в городе. В центральных изданиях об этом также писалось, но значительно реже. В Томской же губернии этот вопрос имел безусловную актуальность. В частности, в «Сибирской правде» неоднократно указывалось на слишком свободное и вольготное положение пленных в Томске.

Либеральная пресса Томской губернии, как это видно на примере газеты «Сибирская жизнь», в «немецком вопросе» занимала скорее нейтральную позицию. В адрес так называемых «внутренних немцев» не только не звучало никаких обвинений, но даже были случаи положительных отзывов.

В целом отношение местной прессы к «немецкому вопросу» в годы войны зависело от «политической окраски» издания. Как и в центре, газеты правого толка в своих оценках отличались крайним радикализмом. Либеральная печать придерживалась нейтралитета. Однако следует отметить, что либеральная «Сибирская жизнь» по сравнению с правой «Сибирской правдой» пользовалась у губернской публики большей популярностью, из чего следует, что ее позицию в вопросе борьбы с немецким засильем разделяло большее число читателей.

Косвенно это подтверждается еще и тем, что в Томской губернии в годы войны не было зафиксировано открытых действий местных жителей против городских и сельских немцев. Если в Москве и Петрограде имели место антинемецкие погромы, то в Томской губернии подобной открытой агрессии со стороны даже «патриотически настроенных» граждан не наблюдалось. Также не было найдено сведений о наличии в регионе общественных организаций по борьбе с немецким засильем.

Однако нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что некоторые местные чиновники в своих отчетах на имя губернатора сообщали о скрытом недовольстве, возникавшем у русских крестьян губернии в отношении немецких колонистов. В частности, крестьянский начальник 4-го участка Каинского уезда утверждал, что

среди русского населения Татарской волости «немцы-колонисты пользуются дурной славой». По его словам, местные жители считали, что немцы – «тайные доброжелатели Германии», что они «сочувствуют успехам последней в военных делах, верят в конечную победу Германии над Россией» [23. Л. 38]. Согласно свидетельству Барнаульского уездного исправника, среди местного русского населения по отношению к немцам наметилось «скрытое, ничем пока не проявляемое враждебное настроение» [24. Л. 188].

Сама лексика этих сообщений говорит о том, что реальных прецедентов агрессии со стороны местных жителей не было. Кроме того, в противовес этим свидетельствам можно привести выдержки из отчетов других чиновников, описывающих совершенно иное отношение к немцам.

Хотя в целом для Томской губернии не был характерен разгул «шпиономании», несколько свидетельств «шпионской деятельности» немецких колонистов все-таки было. Так, например, в донесениях указывалось на ряд мельниц Михайловского имения в Каинском уезде [25. С. 36]. Также, по свидетельству Барнаульского уездного исправника, аэроплан-разведчик приземлялся на участке № 54 Троицкой волости Барнаульского уезда вблизи мельницы немецкого колониста Франца Петровича Вибе [26. Л. 1]. Были, по сообщениям некоторых уездных чиновников Томской губернии, и другие примеры проявления нелояльности со стороны немецких колонистов. Согласно рапорту крестьянского начальника Змеиногорского уезда, немцы «с особою неохотою отбывают воинскую повинность и для того, чтобы уклоняться от отбывания ее, очень часто отправляют своих сыновей в Америку» [23. Л. 91 об.]. Временный заведующий 1–3 Кулундинским подрайоном сообщал губернатору, что колонисты «в своей среде укрывают немцев-германскоподданных» [Там же. Л. 122]. Однако источником подобных свидетельств были в основном чиновники, местное население в этом отношении себя не проявляло. Последнее можно объяснить тем, что томские власти не прибегали к стимуляции массовой истерии среди жителей губернии.

Не обошло стороной Томскую губернию и «ликвидационное законодательство». Хотя следует отметить, что действие этих законов в полном объеме распространилось на нее не сразу и не повсеместно. Сначала, в сентябре 1916 г., на Каинский уезд [17. С. 38] и только в феврале 1917 г. – на Барнаульский и Змеиногорский уезды [Там же. С. 43]. Заработать на территории губернии в полную силу эти узаконения просто не успели в связи со сменой власти в стране после Февральской революции. Однако в некоторой степени «ликвидационное законодательство» на немецких колонистах Томской губернии все же отразилось.

Проявилось это, главным образом, в сборе информации о немцах и их земельных владениях. Первым этим вопросом озабочилось ведомство Кабинета Его Императорского Величества. После публикации в «Но-

вом времени» от 20 ноября 1914 г. статьи о том, что в Барнаульском уезде немцы захватили лучшие земли, в Барнаул поступила телеграмма из Петрограда. В ней содержалось указание собрать сведения об арендаторах-немцах иностранных и русских подданных: их количестве, размерах и качестве арендуемых ими земель и сроках арендных договоров [27. Л. 1]. Уже 25 ноября 1914 г. это указание было доведено до сведения всех лесничих и заведующих арендными районами Алтайского округа с одним небольшим дополнением: наряду с арендаторами-немцами следовало также предоставлять данные об эстонцах и латышях [Там же. Л. 7–13]. Трудно объяснить причину расширения состава лиц, о которых предстояло собирать информацию. Возможно, власти округа решили подстраховаться, предполагая, что прибалты тоже могут оказаться в числе заподозренных в нелояльности по отношению к Российскому государству.

В октябре 1915 г. томским губернатором также была получена телеграмма из Петрограда за подписью товарища министра внутренних дел Н.В. Плеве, где содержалось указание собрать сведения о немецком населении региона. Выяснялось, главным образом, количество немцев, размеры их землевладений, год поселения в той или иной местности, год принятия российского подданства, отношение к русскому населению, к войне и пр. [28. Л. 1]. В результате подобного наведения справок появились многочисленные отчеты местных чиновников Томской губернии, в которых они подробно описывали жизнь, быт и настроения колонистов. Эти отчеты на данный момент – богатейшие архивные источники о сельских немцах губернии.

В целом наибольший результат от реализации ликвидационного законодательства на территории Томской губернии был достигнут в Алтайском округе. Уже в марте 1915 г. был издан циркуляр, согласно которому «все договора с арендаторами немецкой национальности, хотя бы и русскоподданными» должны были расторгаться. Единоличные договоры можно было оставить в силе только со следующими категориями немцев-арендаторов:

- 1) меннонитами, если они докажут это документально;
- 2) немцами, перешедшими в русское подданство до 1 января 1880 г.;
- 3) родственниками по восходящей или нисходящей линии тех, кто участвует в действиях русской армии или флота против неприятеля;
- 4) немцами, принявшими православие до 1 января 1914 г. [27. Л. 186–186 об.].

Что касалось товарищеских договоров, то, если среди товарищей по аренде было хотя бы одно лицо, неудовлетворяющее требованиям закона от 2 февраля 1915 г., договор расторгался [Там же. Л. 186 об.].

В результате применение закона от 2 февраля 1915 г. привело в конце 1916 г. к заметному сокращению в Алтайском округе числа немцев, арендующих

земельные угодья: из 104 арендаторов осталось 67 [Там же. Л. 273 об.–274]. Из этих 67 лиц большинство документально доказало местным властям, что они приняли российское подданство до 1880 г. В целом же с 37 немцами (из них 34 российские подданные) договоры об аренде были расторгнуты раньше предполагаемого срока. По мнению П.П. Вибе, подобные действия властей были абсурдны, поскольку немцы арендовали у Кабинета Его Величества всего лишь 10 439,11 десятин земли в малопригодных для земледелия районах, или 0,14% от всей площади земель, обрабатываемых на Алтае [25. С. 33].

17 июня 1916 г. на заседании Томского Губернского Управления был заслушан доклад, основанный на собранной ранее информации о немецких колонистах. Согласно ему, в Томской губернии было выявлено 32 семьи, состоявших в германском и австрийском подданстве. Не все из них были немцами. Среди австрийских подданных были лица чешской национальности¹. Пять из этих семей, проживавших в Змеиногорском уезде, пользовались неправильно отведенными в надел общественными землями, что вызвало ликвидацию их землепользования и воспрещение обществам впредь передавать этим и другим немцам участки [23. Л. 195]. Актовых и арендных усадебных земель распоряжение Губернского Управления вообще не коснулось. Семьи германских и австрийских подданных, являвшиеся собственниками земель, согласно законам от 2 февраля и 13 декабря 1915 г., лишались впредь права собственности и иных вотчинных прав на недвижимые имущества, а также права владения и пользования подобным имуществом, отделенное от права собственности. Однако важно подчеркнуть, что собственники не лишались личного права пожизненного владения имуществом. Действуя в строжайшем соответствии с ликвидационными законами, Губернское Управление ограничилось распоряжением об изъятии из пользования германских и австрийских подданных только тех земель, права на которые они приобрели по договорам найма или аренды, да и то только в том случае, если они еще не были изъятые по истечению годичного срока со времени обнародования закона от 2 февраля 1915 г. [Там же. Л. 195 об.].

Также в Томской губернии проживали 36 тыс. немцев, находившихся в российском подданстве и обосновавшихся в губернии в порядке переселения. У этой категории немцев в пользовании находилось более 221 213 дес. наделной земли, в аренде – более 15 000 дес. кабинетских и других частновладельческих земель, в собственности – более 4 000 дес. земли [Там же. Л. 195 об.]. Собственниками земель были 37 семей меннонитов, живших на частновладельческих участках Сукачева и Михайлова в Каинском уезде.

В отношении русскоподданных немцев Губернским Управлением было принято следующее решение: «Если... иностранные подданные, которые приобрели в собственность недвижимые имущества в прежнее вре-

мя, <...> не лично лишаются права владения ими, то, надо полагать, тем более не ограничиваются в этом праве русские подданные из иностранных выходцев» [23. Л. 195 об.].

Таким образом, иностранным выходцам немецкого происхождения и их потомкам запрещалось в будущем совершение всякого рода актов о приобретении права собственности, права залога, права владения и пользования недвижимыми имуществами, отделенного от права собственности, а также их участие в публичных торгах на эти имущества. Данный запрет не распространялся на приобретение прав на недвижимые имущества в порядке наследования, а право найма или аренды было ограничено шестью годами со времени обнародования закона от 2 февраля 1915 г. Что касается наделных земель, то общества иностранных выходцев, состоявших в российском подданстве, не могли отчуждать, закладывать или обременять долгами земли, а также пользоваться вознаграждением в случае отчуждения земель для какой-либо государственной надобности. Во всем остальном общества «выходцев» имели равные права с русским населением [Там же. 195 об.–196].

Таким образом, пока Томская губерния не подпадала под полное действие ликвидационных законов, лишение немцев (и иностранных и российских подданных) недвижимого имущества носило единичный характер. В большинстве случаев и та и другая категории немецкого населения губернии продолжали пользоваться теми же землями, что и раньше. Все это позволяет сделать вывод, что при решении немецкого земельного вопроса томские власти действовали в строжайшем соответствии букве закона и не стремились к полной ликвидации немецкого землевладения и землепользования.

Ситуация изменилась в связи с изданием положения от 8 сентября 1916 г., согласно которому действия ликвидационных законов в полной мере было распространено на Каинский уезд Томской губернии. Подобные меры были вызваны прохождением через эту местность Сибирской железной дороги, имевшей для страны стратегическое значение. Однако применение ликвидационных законов, предполагавшее отчуждение недвижимого имущества немецких колонистов, встретило на своем пути непреодолимое препятствие: земли, на которых были расселены в большинстве своем немцы-колонисты, им не принадлежали, а были получены от Переселенческого управления. После выяснения этого обстоятельства был определен особый порядок прекращения немецкого наделного землевладения, распространившийся и на Каинский уезд Томской губернии. В соответствии с ним земли, отведенные немецким колонистам на основании правил о переселении 1912 г., должны были перейти в распоряжение Переселенческого управления, за что немцам выплачивалась компенсация. В Каинском уезде она составляла 73 руб. за десятину, за постройки и инвентарь предусматрива-

лось вознаграждение по их действительной стоимости [25. С. 34–35].

В отношении же немногочисленных собственников земли применялся общий порядок отчуждения с предоставлением срока на самостоятельную ликвидацию, по истечению которого нераспроданное имущество выставлялось на публичные торги. В Каинском уезде это коснулось 30 меннонитских хозяйств, расположенных в Татарской волости. Их список, согласно общему порядку, был обнародован в Томской губернии в начале 1917 г. [Там же. С. 35]. Однако из-за смены власти в стране дальнейшая деятельность по ликвидации земельной собственности немецких колонистов была приостановлена. В Барнаульском и Змеиногорском уездах Томской губернии, подпавших под полное действие ликвидационных законов 6 февраля 1917 г., процедура ликвидации немецкого землевладения даже не успела начаться.

Таким образом, несмотря на то что на отдельные уезды Томской губернии ликвидационное законодательство распространилось в полной мере, фактического отчуждения земель у немцев, состоявших в иностранном и российском подданстве, в губернии почти не наблюдалось. Это объясняется позицией местных властей, которые не проявляли инициативы и активности в немецком земельном вопросе. Такой подход исследователь В.Н. Шайдуров расценивает как деловой и прагматичный [29. С. 85]. Кроме того, нельзя забывать о более позднем включении уездов губернии в число территорий, на которые законы от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. распространялись в полной мере, что также уберегло земли немецких колонистов от ликвидации.

В годы войны также изменилось положение «немецких конфессий» Томской губернии. В отношении лютеран проводились мероприятия запретительного характера, инициированные центральной властью. Это привело к тому, что отличавшаяся до войны активностью лютеранская община г. Томска практически свела свою общественную деятельность на нет. Внутриобщинная жизнь также словно замерла. Однако религиозная деятельность продолжалась. Согласно объявлению в «Сибирской жизни», 15 марта 1915 г. пастором Гессе в томской лютеранской кирхе было совершено богослужение с причастием и конфирмацией [14. 15 марта]. Как уже было сказано, не перестала функционировать школа при лютеранском приюте и сам приют. Хотя и не так активно, но по-прежнему проявляло себя благотворительное общество дам-лютеранок. Тот факт, что институциональная составляющая лютеранской томской общины не понесла потерь и пусть менее активно, но продолжала функционировать, говорит о лояльности в этом вопросе местных властей и общества. Не была остановлена религиозная жизнь и у лютеран губернии, проживавших в сельской местности. Так, в феврале 1915 г. на имя томского губернатора поступило прошение лютеран поселка Красновского

Андреевской волости Каинского уезда о разрешении проводить богослужения по евангелическо-лютеранскому обряду в уже имеющейся для этого оборудованной постройке [30. Л. 1].

По отношению к меннонитам губернские власти в годы войны также проводили политику запретительного характера, используя доступные им административные механизмы. Уже отмечалось, что меннонитам отказывалось в регистрации школ. Ровно также власти реагировали на просьбы о регистрации церковных приходов и разрешении строительства молитвенных домов. Показателен в этом смысле пример меннонитского села Шумановка Орловской волости Барнаульского уезда. Еще до начала Первой мировой войны, в феврале 1914 г., духовный староста Шумановского церковного прихода Корнелиус Винс обратился к томскому губернатору с ходатайством о разрешении постройки на средства прихода молитвенного дома [31. Л. 1]. Первоначальной реакцией губернатора был запрос о предоставлении всех необходимых документов (приговора прихожан, двух экземпляров проекта молитвенного дома и пр.) [Там же. Л. 6 об.], что вполне логично было трактовать, как готовность властей при соблюдении определенных условий дать разрешение на постройку. Однако после предоставления меннонитами всех требуемых документов и наведения различных справок по данному вопросу, что длилось вплоть до конца 1915 г., губернатор решил оставить ходатайство меннонитов с. Шумановка без последствий, сославшись на Устав иностранных вероисповеданий [Там же. Л. 38 об.].

Вопрос об исполнении меннонитами воинского долга, столь остро обсуждавшийся в Европейской России, в Томской губернии решался без видимых проволочек. К середине октября 1914 г. в одной Орловской волости было призвано около 400 человек «запасных» из числа меннонитов. Большая часть из них пошла служить санитарями в действующую армию, часть (около 30 человек) отправилась на лесные работы в Петуховскую тайгу Томского уезда, и чуть большее число меннонитов было направлено на лесные работы в Нарымский край [9. 11 окт.]. Ратники-меннониты, проходившие службу в лесных командах, в основном были сосредоточены в районе 32-й версты томской железнодорожной ветки. Согласно публикации в «Сибирской жизни», они «старательно исполняли возложенные на них обязанности и получали 20 коп. в день на пропитание» [Там же]. Поскольку этих денег было недостаточно для человека, работающего 12 часов в сутки, каждый меннонит получал от общины Орловской волости по 10 руб. на человека в месяц дополнительно и вносил эти деньги в общую кассу коммуны [Там же].

Из-за нехватки санитаров ратники из числа меннонитов были очень востребованы. Осенью 1914 г. управление Красного Креста даже попросило губернские власти отпустить для несения этой службы мен-

нонитов, которые были привлечены на казенные работы по заготовке леса [Там же. 12 окт.]. Для удовлетворения потребностей фронта к осени 1916 г. в Томской губернии из числа меннонитов были призваны для несения санитарной службы ратники первого разряда сроков призыва с 1916 по 1894 г. включительно и ратники второго разряда сроков призыва с 1916 по 1896 г. включительно [32. Л. 160, 167].

Свидетельств ненадлежащего исполнения ратниками из числа меннонитов своего воинского долга найдено не было. Удалось лишь обнаружить прошение проповедника Марковского меннонитского церковного прихода Петра Эннса, несшего военную службу в лесной команде Боровского лесничества Акмолинской области, об увольнении его как священнослужителя от действующей службы. Данное ходатайство губернскими властями было «оставлено без последствий» [33. Л. 1, 6–6 об.].

Как и в Европейской России, в Томской губернии в условиях войны фиксировалось предвзятое отношение к тем конфессиям, которые причислялись к «немецким» по косвенным признакам. В отчете местного чиновника, в частности, сообщалось, что проживавший в д. Бороздиной Тулинской волости баптист-крестьянин Дмитрий Трофимович Литвиненко распространял между крестьянами слухи о взятии германцами Варшавы, открыто высказывал радость по этому поводу, благодарил Бога за то, что при взятии Варшавы немцами, которых он называл своими, было убито много русских, а также говорил, что «как ему, так и другим баптистам не нужен Государь Император, который поступает против закона, отправляя своих ни в чем не виновных солдат на войну» [24. Л. 8].

В целом в Томской губернии в годы Первой мировой войны наблюдалось ущемление религиозных интересов лютеран, меннонитов и прочих «немецких конфессий». Но следует отметить, что меры, направленные против них, носили в основном административный характер. Местные власти разговаривали с этими конфессиями на языке ненавязчивого запрета. Даже отказы в их просьбах чиновники старательно аргументировали, ссылаясь на российское законодательство. Общественность губернии в этом вопросе активно себя не проявляла.

Кроме того, к специфике Томской губернии следует отнести присутствие на ее территории в годы войны вынужденных немецких переселенцев: пленных, заложников, депортированных, беженцев. Это была особая группа в составе немецкого населения региона. Данный контингент направлялся в губернию по причине ее глубокого тылового положения и требовал от местных властей огромных усилий по его расселению, медицинскому обслуживанию, трудоустройству, контролю за перемещением и пр.

Подводя итог реализации мер «антинемецкой кампании» в Томской губернии, можно утверждать, что немецкое население региона подверглось целому комплексу дискриминационных практик. Формально

борьба с «домашним немцем» в губернии велась наравне с Европейской частью страны, правда, с понятной задержкой в реализации тех или иных мер. Тем не менее многие исследователи сходятся во мнении, что губернские власти не поддержали в полной мере «антинемецкую кампанию», получившую широкий размах во многих регионах Российской империи, и были довольно пассивны, претворяя в жизнь меро-

приятия по борьбе с «немецким засильем» [29. С. 79; 34. С. 62–64 и др.]. Пример Томской губернии показывает, что далеко не вся страна была охвачена германофобией. Огромную роль в реализации «анти-немецкой кампании» играла позиция местной власти, которая могла выполнять циркуляры из центра довольно формально в режиме административных практик.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В работах П.П. Вибе [17. С. 38; 25. С. 34 и др.] все 32 семьи иностранных подданных названы немцами, что расходится с данными, приведенными в Журнале общего присутствия Томского Губернского Управления от 17 июня 1916 г. [23. Л. 195].

ЛИТЕРАТУРА

1. Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938. Essen, 2001.
2. Новое время (СПб.). 1914.
3. Русские ведомости. (М.). 1914.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1.
5. Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России : учеб. пособие. М., 2005.
6. Новое время (СПб.). 1915.
7. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1117.
8. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1082.
9. Сибирская жизнь (Томск). 1914.
10. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1072.
11. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1016.
12. Земщина (СПб.). 1915.
13. Сибирская правда (Томск). 1914.
14. Сибирская жизнь (Томск). 1915.
15. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 1242.
16. Нам И.В. Немцы-переселенцы глазами сибирского чиновника: проблема адаптации в инокультурной среде (на материалах Томской губернии) // Российские немцы в интонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. М., 2005.
17. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.
18. ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 134.
19. Черказянова И.В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII–XX вв.). СПб., 2004.
20. Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Томск, 1914.
21. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Томск, 1915.
22. Нам И.В. Жизнь в диаспоре (городские немцы Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.) // Немцы России : социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. М., 2002.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204.
24. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1544.
25. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. Омск, 2011.
26. ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 2290.
27. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3702.
28. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1250.
29. Шайдуров В.Н. Немцы и русские на Алтае. Контакты и конфликты на рубеже XIX–XX вв. // Диаспоры. 2003. № 2.
30. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 278.
31. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 191.
32. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3726.
33. ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 218.
34. Маттис А.Э. «Борьба с немецким засильем» в годы Первой мировой войны и немецкие колонии Томской губернии // Вопросы истории Сибири XX века : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : НГУ, 1998.

Alishina Galina N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: galinaalishina@gmail.com

ANTI-GERMAN CAMPAIGN IN THE FIRST WORLD WAR IN THE "CENTER" AND "ON THE GROUND" OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE IMPLEMENTATION OF MEASURES AGAINST GERMAN DOMINANCE IN THE TOMSK PROVINCE.

Keywords: anti-German campaign; the First World War; the Tomsk province.

Any decision of the central government passes through the local authorities. And often, in varying degrees, this leads to distortion of the solutions. For Russia and Russian history, because of the size of the country is always very important to take into account the regional dimension, because the reconstruction of the past on the basis of the analysis of the decisions and actions only by “center” will be incomplete and one-sided. An excellent illustration of this statement is the “anti-German campaign” that took place on the territory of the Russian Empire during the First World War and subsequently directed against the three categories of the population: subjects of states fighting with Russia, Russian citizens of German origin and members of religious creeds, also referred to as “German” (Lutherans, Mennonites, Evangelical Christians, Baptists and others). “Anti-German campaign” included a whole range of different activities, such as the prohibition of teaching the German language, with the exception of the Germans from public organizations, renaming towns with German names (Petersburg became Petrograd), confiscation of property, liquidation of the German land tenure, deportation and other. We should also note the role of the press in the “anti-German campaign”. Radical newspaper made a real information war against “German domination”. Criticism and allegations on the pages of newspapers in many ways formed public opinion in the country, in-

creasing the scope of Germanophobia. However, the main force to “fight against German dominance” was the central government. At the level of provinces its decisions turned into a set of specific administrative actions not always coincide with the “general line” and often different from each other. As an example, this article examines the Tomsk province, where, because of a number of circumstances, implementation of the “anti-German” actions had its own specific. First of all, this specific was due to the remoteness of the province from the center and the front, as well as the position of local authorities, which did not seek to tighten the discrimination of the German population, dictated from the “center”. The case of Tomsk province shows that not the entire country was covered by Germanophobia. A huge role in the implementation of the “anti-German campaign” played the position of local authorities, which could execute the orders of the center without much eagerness, but rather formally.

REFERENCES

1. Brandes, D. & Savin, A. (2001) *Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919–1938* [The Siberia Germans in the Soviet state. 1919–1938]. Essen: Klartext Verlag.
2. *Novoe vremya* (St. Petersburg). 1914.
3. *Russkie vedomosti* (Moscow). 1914.
4. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1483. List 1. File 1.
5. German, A.A., Illarionova, T.S. & Pleve, I.R. (2005) *Istoriya nemtsev Rossii* [The history of Russian Germans]. Moscow: MSNK-press.
6. *Novoe vremya* (St. Petersburg). 1915.
7. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 1117.
8. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 1082.
9. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). 1914.
10. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 1072.
11. Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 1016.
12. *Zemshchina* (St. Petersburg). 1915.
13. *Sibirskaya pravda* (Tomsk). 1914.
14. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). 1915.
15. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 45. File 1242.
16. Nam, I.V. (2005) Nemtsy-pereselentsy glazami sibirskogo chinovnika: problema adaptatsii v inokul'turnoy srede (na materialakh Tomskoy gubernii) [Germans settlers as viewed by Siberian officials: The challenge of adaptation to the cultural environment (a case study of Tomsk Province)]. In: German, A.A. (ed.) *Rossiyskie nemtsy v inonatsional'nom okruzenii: problemy adaptatsii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti* [Russian Germans in non-indigenous environment: Problems of adaptation, interference and tolerance]. Moscow: MSNK-press.
17. Vibe, P.P. (2007) *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt* [German colonies in Siberia: The socio-economic aspect]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
18. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 67. File 134.
19. Cherkaz'yanova, I.V. (2004) *Shkol'noe obrazovanie rossiyskikh nemtsev (problemy razvitiya i sokhraneniya nemtskoy shkoly v Sibiri v XVIII–XX vv.)* [School education of Russian Germans (Problems of development and preservation of the German school in Siberia in the 18th – 20th centuries)]. St. Petersburg [s.n.].
20. Tomsk Province. (1914) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1914 god* [The memorial book of the Tomsk province in 1914]. Tomsk [s.n.].
21. Tomsk Province. (1915) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1915 god* [The memorial book of the Tomsk province in 1915]. Tomsk [s.n.].
22. Nam, I.V. (2002) *Zhizn' v diaspole (gorodskie nemtsy Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.)* [Life in the diaspora (Urban Germans in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries)]. *Nemtsy Rossii: sotsial'no-ekonomicheskoe i dukhovnoe razvitiye 1871–1941 gg.* [Russian Germans: The socio-economic and spiritual development of the 1871–1941]. Proc. of the International Research Conference. Moscow.
23. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 44. File 4204.
24. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 12. File 1544.
25. Vibe, P.P. (2011) *Nemetskie kolonii v Sibiri v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy kontsa XIX – pervoy trety XX vv.* [German colonies in Siberia under social transformation in the late 19th – early 20th centuries]. Omsk: Nauka.
26. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 13. File 2290.
27. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 4. List 1. File 3702.
28. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 45. File 1250.
29. Shaydurov, V.N. (2003) Nemtsy i russkie na Altae. Kontakty i konflikty na rubezhe XIX–XX vv. [Germans and Russians in Altai. Contacts and conflicts in the 19th – 20th centuries]. *Diaspory*. 2.
30. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 77. File 278.
31. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 77. File 191.
32. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund 4. List 1. File 3726.
33. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 77. File 218.
34. Mattis, A.E. (1998) “Bor'ba s nemetskim zasil'em” v gody Pervoy mirovoy voyny i nemetskie kolonii Tomskoy gubernii []. In: Shilovskiy, M.V. (ed.) *Voprosy istorii Sibiri XX veka* [The history of Siberia of the 20th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.